

Hanna Wadas-Woźny, Wasilij Sienkiewicz

Перевод текстов перформативного типа

Prace Językoznawcze 13, 255-273

2011

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Hanna Wadas-Woźny, Wasilij Sienkiewicz
Siedlce

Перевод текстов перформативного типа

Przekład tekstów performatywnych

Autorzy starają się udowodnić, że tłumaczenie tekstów performatywnych wymaga od tłumacza specyficznych kompetencji, m.in. znajomości sztuki oratorskiej oraz metod manipulacji językowej.

Słowa kluczowe: język, przekład, tekst performatywny, tekst przekładu, wystąpienia publiczne

Публично произнесенные речи принадлежат к текстам перформативного¹ типа; поводом для подобных речей является та или иная возникающая необходимость – учесть кого-нибудь или что-нибудь, поздравить, прославить, вдохновить и т.п. В качестве образцов перформативных речей можно назвать речь в связи с окончанием школы (вуза), застольную речь – тост, речь адвоката в суде, похоронную речь и т.д. Типичным перформативом является вдохновляющая речь полководца к солдатам перед боем (См.: Речь князя Игоря перед дружиной перед походом на половцев).

Тексты публично произнесенных речей радикально отличаются от текстов дескриптивных и требуют от переводчика специфической компетенции. Подобная компетенция заключается во владении сведениями из области ораторского мастерства, знакомства с наиболее распространенными приемами, к которым прибегает оратор и которые являются традиционно принятыми в том или ином речевом жанре.

Занимаясь переводом перформативного текста, переводчик стоит перед дилеммой поиска адекватной стратегии и тактики перевода, обеспечивающих наибольший уровень эквивалентности переводного текста и текста оригинального. Экспрессия возникает и поддерживается в ходе речи либо

¹ Грубо говоря, перформативная функция языка реализуется благодаря его способности быть (даже единственной) причиной побуждения к действию. Ср. с польским: *sprawcza funkcja języka, moce przyczynowe, możliwość działania za pomocą słów*, „A Słowo Ciałem się stało”.

в результате ментальных операций сближения-противопоставления, либо вследствие разрушения привычных речевых формул и стереотипов, либо благодаря умелым изменениям речевой тактики.

Тексты публично произнесенных речей радикально отличаются от текстов дескриптивных и требуют от переводчика специфической компетенции. Подобная компетенция заключается во владении сведениями из области ораторского мастерства, знакомства с наиболее распространенными приемами, к которым прибегает оратор и которые являются традиционно принятыми в том или ином речевом жанре. В качестве иллюстрации приведем перевод на русский язык² речи королевы Марии Людовики к своему мужу королю Яну Казимиру в романе Генрика Сенкевича «Потоп»³. Намерение данной речи – вдохновить короля на возвращение в занятую шведами Польшу и освобождение отечества от шведских оккупантов.

Исходя из применяемых ораторских приемов и для удобства интерпретации, речь королевы расчленена нами на 5 фрагментов (см. ПРИЛОЖЕНИЕ). Приведенная речь является перформативным актом, возымевшим, как известно из дальнейшего повествования, весьма позитивные последствия в деле борьбы за освобождение. Очевидно, что рус. *и такую сказала речь*, указывающее на результат как таковой, не эквивалентно польск. *i tak mówić poczęła*, ориентированному на сам процесс речи. Подмена «хода речи» неизменно сказывается в ее русском переводе: Ср.: *Nie o Radziwiłłów birżańskich mi chodzi...* – *Не биржанские Радзивиллы смущают меня...*

Речь королевы не содержит коммуникативных элементов, а состоит из реализующих ораторское намерение фигур, оказавших огромное влияние на слушателей (...*wszyscy spoglądali na nią z uwielbieniem, a ksiądz kanclerz Wudźga zaczął mówić echowym głosem*). Употребленные в тексте речи фигуры являются классическими схемами, закрепленными многовековой культурно-ораторской деятельностью. Применительно к конкретной ситуации они наполняются собственным смыслом.

Зачином рассматриваемой речи является широко практикуемый в ораторской технике и в устном народнопоэтическом (особенно песенном) творчестве контрастивный прием, названный «отграничением».

I. – *Nie o Radziwiłłów birżańskich mi chodzi [...] ani też o list księcia Bogusława [...] Ale najbardziej mnie bolą...* – *Не биржанские Радзивиллы*

² Г. Сенкевич: *Собрание сочинений: В 9-ти т. Т. 4. Потоп: Роман. Часть вторая и третья*. Пер. с польск. Москва 1984, с. 59–60.

³ H. Sienkiewicz: *Potop*. Kraków 2008, s. 516–517.

смущают меня [...] и не письмо князя Богуслава [...] Больше всего терзают мою душу...

Ср.: *Не ветры бушуют над морем, не с гор побежали ручьи... Мороз-воевода дозором обходит владенья свои* (Некрасов); *То не ветер ветку клонит, Не дубравушка шумит... То мое, мое сердечко стонет, как осенний лист дрожит.* (Из песни).

Смысл названного приема базируется на категории тождества. Идентификация того, о чем идет речь, осуществляется через его отграничение от иного. Частицы рус. *не* (польск. *nie, ani*) в данной фигуре речи не выполняют функцию логического отрицания – они играют роль отграничения (по типу: *Не то..., а то...*). Аналогичная идентифицирующе-ограничительная роль проявляется в формулах законов: *Не убий..., Не укради... Не пожелай* – Внося ограничения, закон запрещает. Прием отграничения говорящий как бы втягивает слушающих в непринужденный поиск. Контрастируя (оттеняя) и фокусируя интерес на объекте подобного идентифицирующего поиска, оратор вместе со слушателями приходит к объекту поиска, поэтапно открывая референт – то, что он подразумевает и что в свою очередь должны открыть для себя слушатели.

Второй фрагмент, вычлененный нами в тексте речи, включает серию риторических вопросов, которые интонационно и структурно выделяются в речи, привнося в нее момент неожиданности и тем самым усиливая выразительность:

Któż bowiem go oszczędzi, jeśli go własny król potępia? [...] gdzie jest taki drugi naród, w którym by chwala Boga starożytnej szczerości trybem trwała i pomnażała się coraz bardziej [...] gdzie jest taki, który by tak prędko winę swą uznał, pokutę i poprawę rozpoczął? – *Кто же пощадит его, коли собственный король его осуждает? [...] где сыщешь другой народ, в коем издревле пребывала бы в чистоте и умножалась слава господня? [...] где сыщешь народ, что так скоро покаялся бы, стал исправлять и искупать свою вину?*

Риторический вопрос как ораторский прием является речевой акцией говорящего и включает момент театральности (артистичности). С помощью данного приема оратор устанавливает контакт с реципиентами, пробуждает их мыслительную активность. Будучи открытыми, риторические вопросы провоцируют слушателей на ту или иную ответную мыслительную реакцию.

⁴ Выдающийся мыслитель современности Хинтикка замечал, что умение ставить вопросы природе отличает гениального ученого от посредственного. То же можно сказать об ораторе. Не случайно первый раздел античной риторики включает в себя проблему выделения спорного пункта.

Риторический вопрос – конструктивный композиционный прием: обычно он играет роль зачина, и ставится перед тем, как говорящий подойдет к сути дела⁴. С помощью подобных приемов оратор оттеняет те или иные грани развиваемой в речи и внушаемой слушателям мысли, многогранно презентуя ее в их присутствии. Благодаря своим интонационным особенностям риторические вопросы придают речи динамическое развитие.

Традиционно риторический вопрос понимается как средство экспрессивного утверждения. С нашей точки зрения, риторическим вопросом ничего не утверждается и не отрицается. Риторический вопрос – инструмент и речевого эмпатического внушения. По сформулированным вопросам реципиент судит о проницательности оратора, о сходствах и различиях между собственной и внушаемой точками зрения. Повышенное эмоциональное звучание риторического вопроса неизменно порождает столь же эмоциональную адекватную суггестивную реакцию на то, что непосредственно затрагивает интересы слушателей.

Риторические вопросы в рассматриваемом фрагменте дополняются известным в арсенале ораторского инструментария приемом презентации – проблема решается на глазах у зрителей, выносится на их рассмотрение. Говорящий не представляет (репрезентирует) слушателям свое видение предмета речи, а предьявляет (презентирует) им собственное восприятие реальности, т.е. актуально смотрит, втягивая в акт восприятия слушателей и приглашая их к совместному размышлению: *A przecie, gdy rozejrzę się po świecie... – А меж тем озираю я свет; Próžno patrzę – Тщетно гляжу я...* Подобное восприятие осуществляется дихотомически – говорящий отмечает не то, что ему кидается в глаза, а то чего он не находит в поле восприятия; тем самым оттеняются позитивные качества объекта – польского народа: *Próžno patrzę, gdzie jest taki drugi naród, w którym by chwala Boga starożytnej szczerości trybem trwała i pomnażała się coraz bardziej, gdzie drugi naród, w którym tak otwarty kandor żyje; gdzie państwo, w którym by o tak piekielnych bluźnierstwach, subtelných zbrodniach i nigdy nie przejednaných zawziętościach, jakich pełne są obce kroniki, nigdy nikt nie sły-szał. – Тщетно гляжу я, где другой народ, в коем обитала бы такая простота души, где держава, в коей никто и не слыхивал бы о кощунствах столь сатанинских, злодействах столь жестоких и злобе столь непримиримой, коими полны иноземные хроники.*

Отмеченный прием презентации включает момент иллюзорного диалога. Истина открывается путем постановки себе как мнимому собеседнику вопросов, на которые оратор сам же и отвечает с учетом ссылки на опыт людей посвященных: *Nie masz tu nożów i trucizn, nie masz*

protektorów, jako u Angielczyków... Niechże mi pokażą ludzie, w dziejach świata biegli, inne królestwo, gdzie by wszyscy królowie własną spokojną śmiercią umierali. [...] – Нет здесь ни ножей, ни отравного зелья, нет протекторов, как у английцев. Пусть же укажут мне люди, сведущие в истории, другое такое королевство, где бы все короли почил в мире своею смертью.

Выражение *jako u Angielczyków – как у английцев* является в рассматриваемом фрагменте не сравнением, но уподоблением. В отличие от сравнения, уподобление реализует момент сопоставления. Сравнение не обладает потенцией доказательства, в то время как момент доказательности – неизменный параметр всякой речи⁵.

Экспрессия второго фрагмента нагнетается путем дублирования отдельных однотипных конструкций, затрагивающих синтаксическую структуру высказывания. Подобным дублированием создается каркас речи фиксируются поворотные пункты мысли, способствуя продвижению ее вперед: *próżno pytam, gdzie jest taki drugi naród, ...; Próżno patrzę, gdzie drugi naród, ... – ...тицетно себя вопрошаю, где сыщешь другой народ, ... Тицетно гляжу я, где другой народ...* Существенно заметить, что дублирование как фигура речи не является повторением. Оратор не повторяет сказанное, а снова и снова возвращается к исходу речи, привнося всякий раз в еще один виток развития мысли дополнительные компоненты смысла. В результате такого «возврата к якобы старому» мысль становится суггестивно более релевантной и выразительной. Дублирующиеся сегменты речи фиксируются памятью и влияют на восприятие речи и последующие поступки слушающих.

Третий фрагмент речи королевы включает фигуру признания (конфессии). Признание не содержит сообщения, а является антикоммуникативной констатацией объективного факта: *Prawda, mój panie, zawinił ten naród ciężko, zgrzeszył przez swawolę i lekkość... Ale któryż to jest naród nigdy nie błędzący i gdzie jest taki, który by tak prędko winę swą uznał, pokutę i poprawę rozpoczął? Oto już się obejrżeli, już przychodzą, bijąc się w piersi, do twego majestatu... już krew przelać, życie oddać, fortuny poświęcić dla ciebie gotowi...*

– *Правда, государь мой, тяжко провинился этот народ, согрешил по причине легкомыслия и своеволия. Но где же сыщешь народ, что никогда не заблуждался бы, и где сыщешь народ, что так скоро покаялся бы, стал исправлять и искупать свою вину? Люди уже опомнились, бия себя в грудь,*

⁵ Еще античными логиками было строжайше запрещено использовать сравнения и метафоры для доказательства. Считалось, что они искажают мысль, ибо выдают за тождественные те предметы, которые имеют лишь общие признаки.

они прибегают уже к твоему величию, готовы уже пролить за тебя свою кровь, отдать свою жизнь и свое достояние.

Смена констатирующего дескриптивного тона оживляется риторическим вопросом, восстанавливающим и подкрепляющим контакт произносящего речь со слушателями: *Ale któryż to jest naród nigdy nie błędzący i gdzie jest taki, który by tak prędko winę swą uznał, pokutę i poprawę rozproczął? Но где же сыщешь народ, что никогда не заблуждался бы, и где сыщешь народ, что так скоро покаялся бы, стал исправлять и искупать свою вину?*

Четвертый фрагмент включает риторические восклицания – демонстративное восклицательно-вопросительное выражение эмоций. Намерением их является пробуждение эмпатии слушателей, перенимающих эмоциональное состояние говорящего и принимающих его суггестивную установку на происходящее: *A ty zali ich odepchniesz? zali żahującym nie przebaczysz, poprawionym i pokutującym nie zaufasz?... dzieciom, które zblądziły, ojcowskiego afektu nie wrócisz?... – Так ужели ты оттолкнешь их? Ужели не простишь кающихся, не поверишь искупающим вину и исправляющимся? Блудным сынам не воротишь отцовской любви?*

Суггестивное влияние риторических восклицаний в рассматриваемом фрагменте подкрепляется приемом интертекстуальной аппликации – вкраплением общеизвестного, однако несколько модифицированного прецедентного выражения: *... dzieciom, które zblądziły, ojcowskiego afektu nie wrócisz?... – Блудным сынам не воротишь отцовской любви?* Всякая аппликация является интертекстуальным дериватом, включающем в себя как момент чисто стереотипный – репродуцирование известного речевого штампа, так и момент экспериментальный – креативное вкрапление штампа в ткань продуцируемого текста.

Употребляя прецедентное выражение, оратор не столько демонстрирует собственную компетентность, сколько «освежает» стершийся от многократного употребления речевой стереотип, укрепляя контакт со слушателями.

В пятом фрагменте момент суггестии достигает эпогея. Оратор прибегает к эксплицитному внушению веры в польский народ, побуждая его предводителя, короля, к должному поступку. Побудительную роль здесь играют глаголы *zulfaj – верь; jedź – поезжай; nie gardź – не пренебрегай; nie lękaj się – не страшись*, в которых реализуется субъективная модальность речи.

Zulfaj im, panie, bo oto tęsknią już za swą krwią jagiellońską i za ojcowskimi rządami twymi... Jedź między nich... Ja, ja niewiasta nie lękam się zdrady, bo widzę miłość, bo widzę żal za grzechy i restaurację tego królestwa, na które cię po ojcu i bracie powołano. Ani mi się też podobna rzecz zdawa, by Bóg miał

zgubić tak znaczną Rzeczpospolitę, w której światło prawdziwej wiary płonie. Do krótkiego czasu ściągnęła boska sprawiedliwość różgę swoją na ukaranie, nie na zgubienie dzieł swoich, a zaś wkrótce potem utuli ich i pocieszy ojcowska tegoż niebieskiego Pana dobroć. Lecz ty nie gardź nimi królu, i powierzyć się ich synowskiej dyskrekcji nie lękaj, bo tylko tym sposobem złe w dobre, zmartwienia w pociechu, kłeski w tryumfy zmienić się mogą.

Верь им, государь, ибо тоскуют уже они по тебе, по своей ягеллоновской крови и по отеческим твоим браздам! Поезжай к ним! Я, женищина, не боюсь измены, ибо вижу любовь, ибо вижу сожаление о грехах и покаяние и возрождение королевства, на чей трон ты призван был после отца и брата. И помыслить нельзя о том, что господь может обречь гибели великую Речь Посполитую, в коей пылает свет истинной веры. На краткий час наслал он свой бич, дабы не погубить, но покарать чада свои, и в скором времени защитит их владыка небесный и утешит по отчому своему милосердию. Не пренебрегай же ими, государь, и не страшись довериться сыновней их преданности, ибо только так зло обратится в добро, горе в радость, поражение в победу.

Реализуя намерение адекватной трансляции эмоционально-велеречавого звучания польскоязычного текста-перформатива, переводчик отдает предпочтение употреблению архаических русскоязычных компонентов. Так, в русскоязычном тексте употребляются архаические союзные средства там, где в тексте-оригинале употреблен стилистически нейтральный союз: *w którym* – *в коем*; *w której* – *в коей*; *jeśli* – *коли*; *bo* – *ибо*. Переводчик употребляет архаический союз *дабы*, в то время, как в оригинале связь является бессоюзной. Стремление к возвышенности русскоязычного текста проявляется в намеренном употреблении лексических архаизмов и перифраз, ср.: *zali* – *ужели*; *dziełek swoich* – *чада свои*; *za ojcowskimi rządami twymi...* – *по отеческим твоим браздам!*; *Angielczyków* – *английцев*; *królowie własną spokojną śmiercią umierali* – *где бы все короли почли в мире своею смертию*; *różgę swoją* – *свой бич*; *ciężko* – *тяжко*.

Несмотря на высокий уровень эквивалентности оригинального польского текста и его русского перевода, все же должно констатировать, что эмоциональный регистр отдельных компонентов не совпадает: *Ja, ja niewiasta nie lękałam się* – *Я, женищина, не боюсь*.

Экстенциональная сущность проявляется в употреблении именных метаморфических выражений. К ним принадлежат перифразы *wniać naszeństwianiam wrağa rodu człowieka* – *podszęptów nieprzyjaciela rodu ludzkiego usłuchali*; *zaщитит их владыка небесный* – *i pocieszy ojcowska tegoż niebieskiego Pana dobroć*.

Итак, занимаясь переводом перформативного текста, переводчик стоит перед дилеммой поиска адекватной стратегии и тактики перевода,

обеспечивающих наибольший уровень эквивалентности переводного текста и текста оригинального. Экспрессия возникает и поддерживается в ходе речи либо в результате ментальных операций сближения-противопоставления, либо вследствие разрушения привычных речевых формул и стереотипов, либо благодаря умелым изменениям речевой тактики.

Классическим образцом текста-перформатива является тост – короткая торжественная публичная речь, которая произносится во время застолья в честь кого-либо или чего-либо и подкрепляется выпитым спиртным.

Тосты-речи бывают различной длины: от одного слова (*Bęc!*, *Bach!*, *Buch!*, *Chlup!*, *Ciach!*, *Cyk!*, *Cześć!*, *Dryst!*, *Dżyst!*) до целого предложения (*Za zdrowie Kaczkosi, co Żydom wodę nosi!*, *Odkręć gaźnik, walniemy po secie!*, *Pijmy, bo procenty uciekają!*) и т.д.

Тосты могут изучаться не только со структурной, но и с семантической стороны. Выделяются следующие тематические группы: а) пожелания (*Aby nam się dobrze działo*, *W nocy stało*, *W dzień wisiało!* *Alleluja!*; *Aby nam się!*; *Najlepszego!*; *Na zdrowie!*; *Zdrowie!*; *Zdrówko!*; *Za zdrowie po raz pierwszy!*; *Zdrowie twoje w gardło moje!*; *No, żeby nie kuleć!*; *Pijmy zdrowie gospodarza!*; *Pomyślności!*; *Trzym się!*); б) объяснения причины питья (*Gorzka wódka*, *gorzka wódka*, *Trzeba ją osłodzić*, *Młody młodą pocałuje*, *Nie będzie mu szkodzić!* – в данном случае гости ведут своеобразный диалог с молодоженами: *Nie pijemy wódki*, *nie pijemy wódki*, *Pocałunek był za krótki!*, после чего молодые опять целуются, однако гости все еще недовольны: *Ona temu winna*, *ona temu winna*, *Pocałować go powinna!* или же, если менее активен жених: *On jest temu winien*, *on jest temu winien*, *Pocałować ją powinien!*); в) наставление, сколько полагается выпить (*Jeszcze po kropelce!*; *No, to po jednym!*; *No, to po maleńkim!*; *Po całym!*; *Po garnuchu i do roboty!*; *Po kielichu!*; *Po kubeczku!*; *Po pięćdziesiątce!*; *Po setce!*; *Po setuchnie!*).

Тост порождает языковую игру-диалог:

Sto lat, sto lat, niech żyje, żyje nam!
 Sto lat, sto lat niech żyje, żyje nam!
Jeszcze raz, jeszcze raz, niech żyje, żyje nam,

Niech żyje nam! Затем поступает вопрос: *A kto?* И соответствующий ответ, напр.: *Jerzy!* И опять же: *Jerzy niech żyje*, *niech żyje*, *niech się z nami napije*, *napije*, *bęc!* *A jak Jerzy nie może*, *nie może*, *niech mu Basia pomoże*, *pomoże*, *bęc!*

Тост реализуется в контексте фоновых знаний социума и потому требует должной компетенции переводчика. Известно, что церемония поднятия тостов вписывается в богатую картину фоновых знаний,

сущность которых заключается в наличии сведений, обеспечивающих взаимопонимание. В региональных и национальных тезаурусах есть известная доля сугубо специальных сведений, актуализирующихся в застольных речах. Без специального пояснения понять смысл таких экзотических речений иностранцам бывает затруднительно, напр.: *Jeszcze rozchodniczka!* (*om rozchodzić się = расходиться*), *Rin, cin, cin!* (*parafraza odwiecznego: Rim-cim-cim; aluzja do wina marki «Cin-Cin»*), *Rźnij, Walenty!* (*stary, odnoszony kiedyś do muzykantów*), *Siup tatę na mamę!* (*spirytus na wódkę*), *Strzemiennego!* (*wznoszony u końca biesiady, staropolski*).

Эксклюзивными по сути являются региональные тосты, иногда непонятные даже самим полякам из других областей, напр.: *Mo żyć!* (*в Силезии обозначает Sto lat!*), *Pyrisk, bo zug ucieknie!* (*в Силезии, zug = поезд*), *Za tych, co w lufcie!* (*в Силезии luft = воздух*). Отдельную группу составляют тосты, заимствованные у других народов и имеющие, как правило, несколько искаженный вид: *Kurdesz!* (*тюркское и татарское = бран*), *Borys! Polewoj!*, *Machniom!*, *Pojechali!* Присутствием фоновых знаний отмечены также жаргонные тосты, напр., молодежные (*Odkręć gaźnik, walniemy po secie!*, тосты моряков и т.п.).

Тост органически вплетается в культуру народа, что требует наличия у его интерпретатора-переводчика широкой культурно-интертекстуальной компетенции.⁶ Так, в польской народной культуре существует целый набор песен, сопровождающих тосты, напр.: молодежные *Panie szofer gazu, panie szofer gazu, bo pół litra jest w garażu!* (когда молодые люди путешествуют на автобусе или машине); песни моряков: *Kiedy rum zaszumi w głowie, Cały świat nabiera treści, Wtedy chętnie słucha człowiek morskich opowieści. Kto chce, to niechaj słucha, Kto nie chce, niech nie słucha, Jak balsam są dla ucha morskie opowieści. Hej ha, kolejkę nalej, Hej ha, kielichy wzniesicie, To robi doskonale morskim opowieściom [...]*⁷.

Итак, тост как явление национальной культуры представляет особый интерес для переводчика в связи с проблемой фоновых знаний. Несмотря на общеславянское культурное наследие, каждый народ совершает специфические ритуальные застольные действия, сопровождаемые принятыми в определенном социуме речевыми этикетными репродуктивными формулами. Сопоставительное изучение застольного славянского

⁶ В книге «*Toasty i pieśni biesiadne*» Барбара и Адам Подгурские (в той же книге Подгурских дан краткий исторический очерк, посвященный проблеме пиров, начиная с творчества Яна Кохановского, Анджея Морштына, Вацлава Потоцкого и кончая возрождением застольных песен в исполнении Марыли Родович) начинают с приведения бесславных статистических данных по употреблению таких же бесславных напитков в Польше.

⁷ В. і А. Podgórcy: *Toasty i pieśni biesiadne*. Wrocław 1998.

этоса – актуальная проблема славянской лингвокультурологии и теории перевода.

Перформативные тексты обладают качеством, которое может быть названо эмпатией (термин С. Куно) – введение в фокус интереса объекта, о котором идет речь (Ярцева 1990). В психологической литературе эмпатия понимается как «сопереживание», как эмоциональная идентификация (слияние) с объектом восприятия, как способность переносить на себя чужое состояние или внутренне, переживая вместе с другим, признавать, что другие существа суть подобные бытия.

Эмпатическая реакция является ответным произвольным звуковым актом на восприятие объекта. Поведенческие реакции являются исключительно прагматическими феноменами речи. В каких выражениях воплощается реакция участников речи? Каков статус подобных „реагентов” в языке? Вряд ли можно отрицать, что эти и подобные вопросы находятся вне компетенции лингвистов и переводчиков, исследующих речевую деятельность и ее продукты.

Эмпатия проявляется на двух уровнях восприятия – эмоционально-перцептивном и рационально-аперцептивном. Поведенческие реакции рационального типа находят воплощение в закрепившихся стереотипных формулах реагирования на ту или иную ситуацию. Так, произнести *Добрый день* – значит адекватно отреагировать на ситуацию, напр., встречу со знакомым человеком.

Стереотипные прецедентные выражения необходимы для того, чтобы оперативно выходить из типичных ситуаций (встречи, прощания и т.п.). Компетенция носителя того или иного языка заключается в его умении адекватно реагировать на опыт – серию сменяющих друг друга ситуаций. Носитель языка удачно подбирает названия и выражения к разным ситуациям, в высшей мере адекватно реагируя на них.

Культурно-речевым инструментарием адекватного рационального реагирования на возникающие в опыте ситуации являются афористические выражения.

Несколько примеров:

- (1) Ситуация за рубежом: В привокзальном буфете Анна заказывает суп (*zupa pomidorowa*). Однако суп уже заканчивается и продавщица, виновато улыбаясь, выскребает остатки, которых еле-еле хватает на тарелку. *Kto lubi ostatki, ten jest piękny i gładki*, – произносит Анна и ситуация разряжается.
- (2) Одна подружка рассказывает другой, как преуспел в делах любви их общий знакомый, который казался в школе таким тихоней. *Cicha woda brzegi rwie*, – реагирует подруга на услышанное.

Каждая ситуация может послужить стимулом для вербальной реакции и таким образом соотнесена с прецедентной ситуацией. Напр., взвод курсантов занимался уборкой снега в военном городке. Из подъезда в тапочках на босу ногу вышла девушка, чтобы перебежать в другой подъезд. Один из солдат, глядя на нее, произнес: *По морозу босиком к милому ходила*. Пример того, как наблюдаемая ситуация типизировалась к прецедентной ситуации и спровоцировала вербальную реакцию – слова известной песни Людмилы Руслановой „Валенки”.

С заданием отреагировать на ситуацию, идентифицируя ее, встречаемся на страницах газет, проводящих конкурсы типа „Что бы это значило?”. Например, на фотографии изображена сидящая на берегу девушка, опустившая ноги в воду. Реакция одного из читателей: *Мыла Марусенька белые ножки*.

На уровне эмпирического восприятия – эмпатия – эмоциональное имманентное выражение самости субъекта речи – его „моего-мира”. *В то же время во всей абсолютной самости, в ее отрешенности от всего, в ее трансцендентности (потусторонности) открывается и ее имманентность (посюсторонность): потому что я все же существую в мире, в теле, в душе даже в том случае, когда моя самость переступает через все эти ступени бытия. Это ж мое тело, моя душа, моесознание, мое неосознанное, моя судьба и характер, мой дух, моя личность, и именно потому все это противопоставлено мне, не тождественно со мной, хотя доступно мне и проникнуто мною* (Вышеславцев 1994, с. 288). Эмоционально-реактивный феномен не может обойти ни лингвист, исследующий процессы продуцирования речи, ни переводчик, стремящийся к адекватной трансляции оригинального текста и сохранению его эмоционального регистра и тональности. В отличие от естествознания, науки о человеке не могут элиминировать факторы духовной жизни в связи с тем, что *дух* – конституирующий момент человеческого мира. Постигание этого мира опирается также на переживание, а не только на концептуализацию. Мы постигаем данную реальность прежде всего не при помощи логических выводов, а в результате личного опыта.

Ортега-и-Гассет отмечает факт существования шкалы духовной дистанции, которая непременно проявляется в актах восприятия реалий. *В этой шкале степень близости к нам того или иного события соответствует степени затронутости наших чувств этим событием, степень же отдаленности от нее, наоборот, указывает на степень нашей независимости от реального события; утверждая эту свободу, мы объективируем реальность, превращая ее в объект чистого созерцания* (Ортега-и-Гассет 1991, с. 251). Существенно понять, что употребление эмоционального перформативного выражения является актом артистичным

– произнося выражение, говорящий играет. Выразить пластично и объемно реалию – значит предпринять попытку перевоплощения в нее – выявить ее собой, т.е. сыграть. Артистка свидетельствует: *Я стараюсь рассмотреть, уловить живое движение в изгибах ветки, корней, в узорах на сосновой коре, сделать так, чтобы это живое заиграло каким-то выражением и для других людей, чтобы всё было бы заметно* (Станюта 2000, с. 2). *Соприкасаясь с реальностью, – пишет Х. Ортега-и-Гассет, – человек «приходит в состояние нерешительности, не зная, переживать ему вещи или созерцать их* (Ортега-и-Гассет 1991, с. 239). Один и тот же феномен реального мира может быть презентирован объективированно и эмпатически, ср.: земля – землица, земелька; вода – водица, водичка; снег – снежок и т.п. В эмоциональных *вариациях на тему* реалия получает сыгранное интерпретирующее воплощение. Артистическая деривация – частое явление поэтических текстов, напр.:

*Przymruż złociste światelka,
Ukryj się pod matki rąbek,
Nim cię zgubi sronu ząbek
Lub chłodnej rosy perelka.*

(Adam Mickiewicz: *Pierwiosnek*)

Эмпирический артистизм прежде всего касается трансляции существующих в любом языке практически неисчислимых дериваций, способных эманировать (лац. *emanatio* распространение) в перформативной речи целым калейдоском трудноуловимых эмоциональных оттенков. Подобные оттенки, хотя и являются чаще всего индивидуализированными, допускают типологическое описание, на которое и должен ориентироваться переводчик. Базой такого описания будет тип эмоций, который чаще всего в них проявляется – нежность, ироничность, грубость и т.п. Для наименования результатов эмоциональной деривации употребляются интернациональные термины – *деминутивы* и *аугментативы*. В русской лингвистической традиции деминутивы принято называть уменьшительно-ласкательными формами, а аугментативы – увеличительными формами. По-видимому, польский термин *zdrobnienie* более точно схватывает сущность подобных речевых феноменов, подмечая их связь с объемным восприятием: дескриптивны *мелкий-крупный* – не то, что определения-характеристики *большой-малый* (ср.: измельчать и уменьшиться).

В дескриптивных и перформативных текстах деминутивные дериваты играют разные роли. В текстах-дескриптивах они употребляются для объективации размера – дериваты называют небольшую по размеру вещь или незрелое существо, напр.: рус. *стол – столик*; польск. *dom – domek*,

kot – kotek, dziewczyna – dziewczynka. В подобной объективирующей роли они продуктивны в процессе терминологизации: *żeludochek* (сердца), *łopatką* (часть тела) и т.п., а также при образовании прозвищ. В русских и польских прозвищах деминутивность является дескриптивной – в антропонимический дериват не привносится эмоциональное состояние говорящего. Так, фамилия *Janiczek* происходит от имени *Jan*. *Сенькевич, Сеньковец, Sienkiewicz* происходит от *Siecko*, а оно от *Siemiona*.

Употребление разных деривационных версий одного и того же имени регламентируется соответствующими нормативно-юридическими актами. Нельзя записывать ребенку неофициальные деминутивные собственные имена типа *Jaś, Соня*. Однако допустимы собственные деэтимологизированные деминутивы, утратившие аффективную коннотацию и ощущающиеся современными носителями языка как самостоятельные имена (типа *Betina, Lena, Nina, Rita*). Закон ставит запрет на использование деминутивных экспрессивов в официальных документах. *Kierownik urzędu stanu cywilnego odmawia przyjęcia oświadczenia o wyborze dla dziecka więcej niż dwóch imion, imienia ośmieszającego, nieprzyzwoitego, w formie zdrobniałej oraz imienia nie pozwalającego odróżnić płci dziecka* (Art. 50 ust. 1 ustawy z dnia 29 września 1986 r. *Prawo o aktach stanu cywilnego*, Dz.U. Nr 36, poz. 180 późn. zmianami). Так, не могут быть вписаны в паспорт деминутивные версии собственных имен типа *Jagienka* (от *Jagna*), *Halszka* (от *Elżbieta*), *Ola* (от *Aleksandra / Olga*), *Milka* (от *Miłostawa*) и т.п.

Правовая регламентация ономастической деминутивной деривации налагает особую ответственность на переводчика при переводе документов, идентифицирующих личность. От переводчика требуется соответствующая лингвострановедческая компетенция. Так, известно, что Jalu Kurek имел вписанное в паспорте и метрике имя Franciszek, Jimmy Carter в паспорте имел James, а Bill Clinton согласно паспорту называется William Jefferson Clinton.

Необычайную продуктивность выявляет деминутивная деривация в перформативных текстах. Как русский, так и польский языки являются необычайно богатыми с точки зрения количества деминутивных форм и возможностей их образования. Деминутивизации поддаются практически все части речи: чаще всего существительные (*domek, bucik, rączka*), прилагательные (*malutki, bieluchny, miluśki, bielusieńki*), местоимения (*samiutki, kaździutki, wszyściutki*) наречия (*malutko, bielusieńko*). Деминутивность проникает даже в разряд глаголов, например, в речи, стилизованной на детскую: рус. *естоньки, спатоньки*, польск. *plakuniać, plakusiać*.

В категории деминутивной деривации весьма распространенной является серийность, возникающая благодаря процессу агглютинации – наращивания суффиксов, сопровождающегося нагнетанием (кумуляцией)

экспрессии: рус. -ок + ек = очек: *дуб – дубок – дубочек*; пол.: -ek + -ek = -eczek: *koteczek*, -ka + -ka = -eczka: *Aneczka*; -ko + -ko = -eczko: *kóleczko*.

Необычайную продуктивность выявляют деминутивы в разряде собственных имен: *Kasia, Staś, Pawełek, Urszulka, Józek, Romek, Miłosz, Maciuś, Łukaszek, Gabryś, Marysia, Juras* (от *Jurek*); *Franka, Michalik Janek, Kubuś, Stefcio, Gabryś, Wacunio, Kaziuchna, Kazik, Stasiulo, Staś, Ewka, Basieńka, Hanusia, Julcia, Jolunia, Kasiuchna, Anula, Zosia, Terenia*.

Деривационные модели возникновения деминутивов самые разные. Базовыми в данном деривационном процессе являются: редукция (усечение от полной версии имени): *Iza od Izabela, Maks od Maksymilian, Nora od Eleonora, Fred od Alfred, Bina od Balbina, Ulka od Urszulka*; со смягчением: *Magdzia, Zuzia, Franio, Tadzio*; суффиксация: *Agatka, Karolek*. Могут быть омонимичные деминутивные дериваты. Так *Ala* происходит от *Alicja, Alina* или *Aleksandra*.

Чаще всего возникают „сериалы” последовательно созданных дериватов имен собственных. Так, от *Zuzanna* возник редуцированный дериват *Zuza*, а от него возникли дериваты-модификации *Zuzia, Zuzka*. Количество серий от разных имен неодинаковое – есть многосерийные имена (как рус. *Иван*, польск. *Jan*).

Если взять ряд *Иван, Ваня, Ванюша, Ванятка* (имеется более ста модификаций этого имени) или *Мария, Маша, Машенька, Маруся, Марусенька, Маня...* (известно свыше двухсот образований от этого древнего и широко распространенного имени), то здесь – в силу специфичности значения и функции антропонимов – не приходится говорить о каких-то семантических различиях; расхождения между однокоренными модификациями сводятся к эмоционально-экспрессивному началу (Бондалетов 1982, с. 6–28). Отдельные же имена собственные не выявляют особой пластичности. Так, в польском языке от имени *Andrzej* единственным действительно популярным дериватом (кроме *Jędrak i Jędrus*) является *Andrzejek*. Иногда можно встретиться с *Endrju, Endi*, или *Andy* (влияние англ. языка) с *Andriusza, Andriuszka* (влияние рус. языка), *Ondrasz, Ondraszek* (влияние словацкого языка), однако они употребляются редко и в шуточной форме.

В „сериалах” собственных имен непременно звучит объединяющий их звуковой мотив (Суслова, Суперанская 1991, с. 113).

Противоположным процессу деминутивизации (*zdrabniania*) является процесс аугментации (*zgrubiania*). Термином *увеличение* отмечается факт деривации, в которой формант свидетельствует или о необычайно большом размере объекта названного исходной номинацией (типа рус. *ручища*, польск. *domisko*) или о негативном эмоциональном восприятии говорящим того или иного объекта (пейоративы рус. *бабуща*, польск. *starucha*). В польском

языке иногда в аугментативном облике выступают имена типа *Bacha, Krzycha*, однако наблюдения за их употреблением свидетельствует, что они не являются увеличительными, не обладают негативной коннотацией, а только содержат больше экспрессии по отношению к типичным дериватам *Basia, Krzysia*, т.е. подчёркиваются некоторая близость (фамильярность) говорящего с носительницей данного имени.

Эмоциональные дериваты выражают эмоциональное состояние субъекта речи, в котором проявляется его позитивный / негативный взгляд на референт, ср.: *usta – usteczka, Karolina – Karolinka, bunt – buncik* (презр.), рус. *доцент – доцентик*. Они могут выражать незначительность референта (*warszawka, pistolecik*), нежность (мать говорит ребенку: *Zobacz, jaki ładny kotek*); пренебрежение, иронию с оттенком издевательства (*politowania*) (*dyrektorek, komendancik, warszawka, babina*).

Экспрессия подобных дериватов принадлежит исключительно процессу речепорождения. Можно только прогнозировать, какие эмоциональные оттенки способны выразить, например, следующие дериваты дескриптива *mały: malecki, maleniecki, maluni, malusi, malutki, maluteczki, malutuchny ...*. Номинация как бы *рассыпается* бесчисленными вариациями на одну и ту же тему.

В экспрессивной эмпатической деривации проявляется интегральная связь (породненность) с окружающим миром носителя языка, пластично презентующего акты эмоционального восприятия. Уловить эмоциональные оттенки подобного специфического в каждом языке процесса моделирования мира и выдержать эмоциональный регистр переводимого текста – едва ли не самая главная трудность, возникающая на пути переводчика при трансляции перформативных текстов.

Текст как субстанциальная категория и продукт речи является не только главной категорией текстологии, но и трансляторики. Перевод текста предусматривает этапы его восприятия и осмысления, переосмысливания воплощенного в нем исходного смысла и перевыражение текста на языке перевода.

Трансляция текста сопряжена с трудностями как экстралингвистического (культурологического), так и собственно лингвистического плана. Являясь культурным воплощением, текст включает многочисленные экзотические реалии той или иной этнической культуры; трансляция реалий в контекст иной культуры предусматривает известные переводческие приемы, владение которыми должно рассматриваться в качестве необходимой составляющей компетенции переводчика.

Кроме энциклопедических данных, переводческую компетенцию составляют собственно лингвистические сведения из области контрастной лингвистики, в частности ее раздела – номинативной дериватологии.

В арсенале переводчика должны находиться сведения, связанные со спецификой индивидуализации и категоризации реальности в языке перевода.

Главным побудительным мотивом переводчика текста должна являться идея, внушенная оригиналом, которая вынуждает его искать эквивалентные языковые единицы для формулирования смысла отраженной в словах мысли.

Критерием качества текста-транслятива является мера эквивалентности транслированного на иностранный язык смысла, заключенного в переводимом тексте. Известно, что переводчик должен донести до реципиента с минимальными потерями информацию, заключенную в тексте оригинала. Заботясь о полноте трансляции информации, переводчик, должен исходить из принципа минимизации – облекать смысл в сжатые и лаконичные формулы. Вместе с тем, он не должен исказить оригинальный текст – по мере возможности ничего не добавлять от себя, не дополнять. Причем лаконичность и сжатость языка перевода, однако, нигде не должны идти в ущерб ясности изложения мысли, легкости ее понимания. Следует избегать двусмысленных выражений, затрудняющих восприятие.

Тип перевода иностранного текста целиком предопределен дескриптивным (фактографическим) или перформативным типом переводимого текста. Работа с текстом накладывает на переводчика не только нравственную, но зачастую также юридическую ответственность (судебный перевод, перевод всяческих свидетельств, перевод всякого рода административных и др. документов, перевод выступлений представителей власти и т.п.).

Приложение

H. Sienkiewicz: *Potop* / Г. Сенкевич: *Потоп* (фрагмент):

Podniesiona tymi słowy królowa [Maria Ludwika] wstała z krzesła i tak mówić poczęła:

I. – *Nie o Radziwiłłów birzańskich mi chodzi, bo ci, jako heretycy, łącznie podszeptów nieprzyjaciela rodu ludzkiego usłuchali; ani też o list księcia Bogusława, prywatę może zacierający... Ale najbardziej mnie bolą desperackie słowa króla, pana i małżonka mojego, przeciw temu narodowi wyrzeczone.*

II. *Któż bowiem go oszczędzi, jeśli go własny król potępia? A przecie, gdy rozejrzę się po świecie, próżno pytam, gdzie jest taki drugi naród, w którym by chwala Boga starożytnej szczerości trybem trwała i pomnażała się coraz bardziej... Próżno patrzę, gdzie drugi naród, w którym tak otwarty kandor żyje; gdzie państwo, w którym by o tak piekielnych bluźnierstwach, subtelnym zbrodniach i nigdy nie przejednanym zawziętościach, jakich pełne są obce kroniki, nigdy nikt nie słyszał... Niechże mi pokażą ludzie, w dziejach świata biegle, inne*

królestwo, gdzie by wszyscy królowie własną spokojną śmiercią umierali. Nie masz tu nożów i trucizn, nie masz protektorów, jako u Angielczyków...

III. *Prawda, mój panie, zawinił ten naród ciężko, zgrzeszył przez swawolę i lekkość... Ale któryż to jest naród nigdy nie błędzący i gdzie jest taki, który by tak prędko winę swą uznał, pokutę i poprawę rozpoczął? Oto już się obejrzeni, już przychodzą, bijąc się w piersi, do twego majestatu... już krew przelać, życie oddać, fortuny poświęcić dla ciebie gotowi...*

IV. *A ty zali ich odepchniesz? zali żalującym nie przebaczysz, poprawionym i pokutującym nie zaufasz?... dzieciom, które zbłądziły, ojcowskiego afektu nie wrócisz?...*

V. *Zaufaj im, panie, bo oto tęsknią już za swą krwią jagiellońską i za ojcowskimi rządami twymi... Jedź między nich... Ja, ja niewiasta nie lękam się zdrady, bo widzę miłość, bo widzę żal za grzechy i restaurację tego królestwa, na które cię po ojcu i bracie powołano. Ani mi się też podobna rzecz zdawa, by Bóg miał zgubić tak znaczną Rzeczpospolitą, w której światło prawdziwej wiary płonie. Do krótkiego czasu ściągnęła boska sprawiedliwość różgę swoją na ukaranie, nie na zgubienie dzieciak swoich, a zaś wkrótce potem utuli ich i pocieszy ojcowska tegoż niebieskiego Pana dobroć. Lecz ty nie gardź nimi królu, i powierzyć się ich synowskiej dyskrekcji nie lękaj, bo tylko tym sposobem złe w dobre, zmartwienia w pociechy, klęski w tryumfy zmienić się mogą.*

To rzekłszy siadła królowa, jeszcze z ogniem w żrenicach i falującą piersią: wszyscy spoglądali na nią z uwielbieniem...⁸.

*

Воодушевленная этими словами, королева поднялась с кресла и такую сказала речь:

I. – *Не биржанские Радзивиллы смущают меня, ибо еретики они и легко могли внять нашептываниям врага рода человеческого, и не письмо князя Богуслава, что преследует, быть может корыстные цели. Больше всего терзают мою душу горькие слова короля, господина моего и супруга, о нашем народе.*

II. *Кто же пощадит его, коли собственный король его осуждает? А меж тем озираю я свет и тщетно себя вопрошаю, где сыщешь другой народ, в коем издревле пребывала бы в чистоте и умножалась слава господня? Тщетно гляжу я, где другой народ, в коем обитала бы такая простота души, где держава, в коей никто и не слыхивал бы о кощунствах столь сатанинских, злодействах столь жестоких и злобе столь*

⁸ H. Sienkiewicz: *Potop*. Wyd. GREG. Kraków 2008, s. 516–517.

непримиримой, коими полны иноземные хроники. Пусть же укажут мне люди, сведущие в истории, другое такое королевство, где бы все короли почил в мире своею смертью. Нет здесь ни ножей, ни отравного зелья, нет протекторов, как у английцев.

III. Правда, государь мой, тяжко провинился этот народ, согрешил по причине легкомыслия и своеволия. Но где же сыщешь народ, что никогда не заблуждался бы, и где сыщешь народ, что так скоро покаялся бы, стал исправлять и искупать свою вину? Люди уже опомнились, бия себя в грудь, они прибегают уже к твоему величию, готовы уже пролить за тебя свою кровь, отдать свою жизнь и свое достояние.

IV. Так ужели ты оттолкнешь их? Ужели не простишь кающихся, не поверишь искупающим вину и исправляющимся? Блудным сынам не воротишь отцовской любви?

V. Верь им, государь, ибо тоскуют уже они по тебе, по своей ягеллоновской крови и по отеческим твоим браздам! Поезжай к ним! Я, женщина, не боюсь измены, ибо вижу любовь, ибо вижу сожаление о грехах и покаяние и возрождение королевства, на чей трон ты призван был после отца и брата. И помыслить нельзя о том, что господь может обречь гибели великую Речь Посполитую, в коей пылает свет истинной веры. На краткий час наслал он свой бич, дабы не погубить, но покарать чада свои, и в скором времени защитит их владыка небесный и утешит по отчету своему милосердием. Не пренебрегай же ими, государь, и не страшись довериться сыновней их преданности, ибо только так зло обратится в добро, горе в радость, поражение в победу.

С этими словами королева опустила в кресло; очи ее сверкали, грудь волновалась, и все с благоговением взирали на нее...

Литература

- Бондалетов В. Д. (1982): *Стилистические ресурсы лексики русского языка*. [W:] *Лексика и словообразование русского языка*. Рязан. гос. университет. Рязань.
- Выщеславцев Б. А. (1994): *Этика преображенного эроса*. Республика. Москва.
- Kiklewicz A. (2007): *Zrozumieć język: szkice z filozofii języka, semantyki, lingwistyki komunikacyjnej*. Oficyna Wyd. LEKSEM. Łask.
- Krzyżanowski P., Nowak P. (2004): *Manipulacja w języku*. Wyd. UMCS. Lublin.
- Norman B. (2001): *O potencjach tekstotwórczych imion własnych*. [W:] *Leksyka a gramatyka w tekście językowym: Materiały konferencji naukowej, Siedlce, 21–22 października 1999*. Pod red. K.Wojtczuk. Wyd. Akademii Podlaskiej. Siedlce.
- Ортега-и-Гассет Х. (1991): *Эстетика. Философия культуры*. [W:] Сб. ст. *Переводы*. Искусство. Москва.
- Станюга А. (2000): *Яе жыццё – гэта чуд.* „Народная воля”, 14 снежня, с. 2.
- Суслова А. В., Суперанская А. В. (1991): *О русских именах*. 3-е изд. Лениздат. Ленинград.
- Urbanek D. (2004): *Pęknięte lustro: tendencje w teorii i praktyce przekładu na tle myśli humanistycznej*. „Trio”. Warszawa.

Ярцева В. Н. (1990): *Лингвистический энциклопедический словарь*. Сов. Энциклопедия. Москва.

Streszczenie

Na przykładach z przekładowej literatury pięknej (przekład *Potopu* H. Sienkiewicza na język rosyjski) autorzy starają się udowodnić, że tłumaczenie tekstów performatywnych wymaga od tłumacza specyficznych kompetencji, m.in. znajomości sztuki oratorskiej oraz metod manipulacji językowej. Teksty performatywne w każdym języku są ściśle zespolone z kulturą, postrzeganiem rzeczywistości i siebie samego, jako że ich podstawowym zadaniem jest wciągnięcie słuchacza czy przygodnego obserwatora w krąg określonych wydarzeń, m.in. poprzez utożsamienie się z nim albo postawienie go na miejscu wygłaszającego przemowę. Nakładające się na nasze wypowiedzi uwarunkowania kulturalno-polityczne powodują, że wymienione teksty wymagają szczególnie uważnego podejścia w procesie przekładu. Nie podlega dyskusji fakt odniesienia zagadnień tego typu zarówno do kompetencji językoznawców, jak i przekładoznawców.